

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЕВГЕНИЯ КОЗЛОВСКОГО

Евгений Козловский, 36 лет, по профессии режиссер, житель Москвы, был арестован в декабре 1981 года по обвинению в систематическом изготовлении и распространении заведомо ложных материалов, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190¹ Уголовного кодекса Российской Федерации).

Учитывая, что в ходе следствия Евгений Козловский полностью осознал свою вину и чистосердечно раскаялся в своих преступных деяниях, к нему применена ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и дело против него прекращено. Козловский из-под стражи освобожден.

2207

Как мне стало известно, уже довольно длительное время определенные круги на Западе пытаются использовать мое имя для очередных антисоветских инсинуаций. Меня изображают непризнанным, необоснованно гонимым, безвинно страдающим за свои произведения литератором. Мои сочинения представляются западными пропагандистскими органами и радиоголосами «как отличающиеся глубокой гражданственной позицией», а, например, написанный мнойopus «Красная площадь» мой знакомый Филипп Берман, выехавший на жительство за границу, назвал «прекрасной прозой».

Объективно оценивая теперь написанное мною, я по поводу этой шумихи могу сказать, что пересланные на Запад мои сочинения не представляют настоящей художественной ценности хотя бы потому, что содержат грубые измышления о советской действительности, советском образе жизни.

Сейчас, движимый глубоким раскаянием, я мучительно продолжаю размышлять о причинах, приведших меня на преступный путь и позволивших противникам нашего государства использовать мое имя в своей нечистоплотной

политической игре. Проще всего объяснить это моим легкомыслием, результатом дурных, но, надеюсь, поддающихся исправлению черт моего характера: цинизма, болезненного самолюбия, желания выдвинуться на видное место с минимальными затратами сил, не брезгуя порой недостойными средствами. Все это так, однако корни моего нравственного падения гораздо глубже.

Режиссера по профессии, меня никогда особенно не привлекало писательство. Тем не менее я иногда в свободное время сочинял стихи и рассказы. Это делалось для себя, как «хобби», и в то же время я даже не предполагал, что на каком-то этапе эти мои любительские, несовершенные произведения могут быть использованы противниками моей страны.

Однако первые трудности, которые встретили меня на нелегком пути в театр, в кинематограф, на телевидение, трудности, естественные на любом пути в искусство, обескуражили меня, и я подумал: не легче ли добиться славы на другом поприще, создав вокруг себя ореол непризнанного, гонимого писателя?

Из всего ранее написанного у меня получились первые главы ро-

мана «Мы встретились в раю», в которых я сознательно в клеветническом духе извратил советскую действительность, опорочил государственный и общественный строй СССР. С помощью сочинения именно такого содержания я надеялся завоевать скорую, пусть и скандальную популярность, как это сделали Солженицын и Войнович, Зиновьев, Алешковский и некоторые другие. Их сочинения, открыто враждебные нашему народу и государству, охотно издавались на Западе, и им устраивалась широкая реклама через радиостанции «Голос Америки», «Радио Свобода», Би-би-си и т. п. Порвав со своей Родиной, эти люди и сегодня провоцируют молодых, начинающих писателей к совершению необдуманных поступков, предоставляя им страницы журналов и газет для публикации сочинений такого же содержания.

Кроме вышеперечисленных общих факторов в моем решении заняться писательством, что и послужило в конечном счете причиной моей изоляции от общества, особую роль сыграл В. П. Аксенов, который как раз в то время устроил на Западе публикацию так называемого альманаха «Метрополь», сопровождаемую довольно бурной рекламой вышеуказанного толка. Ему-то я и отнес первые главы моего романа «Мы встретились в раю», и Аксенов посоветовал срочно его заканчивать и публиковать за рубежом, пообещав в последнем помочь и поддержать.

Оконченная мною рукопись была снова одобрена Аксеновым, и он же подсказал мне, в какое издательство обратиться («Ар-

дис», США), и порекомендовал и представил дипломатического работника бельгийского посольства в Москве Ж. А. Миньо, который мог бы переправить туда рукопись. И я пошел на этот опрометчивый шаг. Мне бы следовало насторожиться, почему западный дипломат с такой легкостью берется оказать мне услугу в нелегальной пересылке рукописи, понять, кому на руку я начал играть, но, увы, от аксеновских комплиментов у меня вскружилась голова.

Несколько позже я принял участие в подготовке сборника «Каталог». Мне лично хотелось «сыграть на Западе», наделить побольше «шуму», получить из всего этого выгоду. В глубине души я рассчитывал, что если у нас в стране к этому отнесутся не с «распростертыми объятиями», то западные средства массовой информации раздуют это начинание, и я лично смогу урвать немного «славы». Так оно, к сожалению, и случилось.

Начавшийся вокруг «Каталога» «шум» сразу же привлек к нему внимание западных корреспондентов в Москве. Сейчас я гордо отчетливее понимаю, что именно заинтересовывает многих из них в жизни нашей страны: не действительно важные и интересные события в области той же, скажем, культуры и литературы, а только возможность раздуть скандал, нашуметь о якобы существующем в нашей стране неблагополучии. И тут эти корреспонденты проявляют поистине ошеломляющую осведомленность и расторопность: не прошло и недели со времени начала этого «шума», как некий

Том Кент, корреспондент «Ассошиэйтед пресс» (так он представился), позвонил мне домой, и я вместо того, чтобы положить трубку, ответил на ряд его вопросов, а через несколько дней услышал, что по радио «Свобода» было передано чуть ли не полчасовое «интервью» со мной, и сладкий дым тщеславия снова застил мне глаза.

Да, этот дым был сладок, и после неудачи с «Каталогом» я, вспоминая о небольшом, но все же существовавшем вокруг этого дела «шуме», иногда мечтал о чем-нибудь в таком же или в еще более скандальном роде, о каком-нибудь альманахе или журнале, и мечтами этими делился с некоторыми знакомыми. И они тоже иногда обсуждали такие возможности, а порою совершенно неожиданно подобные разговоры слышались и среди совсем малознакомых людей — литературной молодежи и начинающих авторов, любителей, в компании которых приходилось случайно оказываться.

И хотя, к счастью, разговоры эти носили, насколько мне известно, необязательный характер, но так или иначе сам факт таких разговоров есть достаточный симптом, чтобы мне захотелось сегодня предостеречь моих товарищей и знакомых от того преступного пути, на который встал я, и в первую очередь от ослушавшей меня дурную службу ориентации на Запад.

А в то время я написал еще два тенденциозных, на грани клеветы рассказа и тем же нелегальным путем отправил их в США некоему Юзу Алешковскому, который, как я слышал, соби-

рался издавать какой-то журнал для публикации подобных сочинений, и во Францию, в антисоветский журнал «Континент», выходящий под редакцией Максимова. Я слышал, что у этого журнала тираж больше, чем у других эмигрантских изданий подобного типа.

Спустя некоторое время один мой рассказ появился там, и я, теша свое тщеславие, хвастался этим, хотя в глубине души считал его в художественном отношении крайне неудачным.

Услышав, что «Континент» выплачивает авторам гонорары, я захотел получить плату за мою публикацию — мне и тут хотелось удовлетворить собственное тщеславие, иметь возможность при случае и без случая «козырнуть» своим «признанием», своим «литературным» заработком, что я и начал делать, получив от редакции нелегальным путем гонорар, на который были куплены во Франции электронные часы и джинсы и привезены мне в СССР. «Признание» обернулось признанием того, что мне удалось написать лживую вещь, грубо искажавшую нашу жизнь.

Все еще не насытившись «славой», я решил написать еще одно сочинение, где бы опять-таки с помощью заведомой лжи порочился строй, наш образ жизни, надеясь, что за эту-то вещь западные издательства в самом скором времени создадут мне широкую известность и популярность. Так появился на свет насквиш «Красная площадь», который я тут же и тем же нелегальным путем отправил по старой дорожке в журнал «Континент».

Я отчетливо сознавал, что вся эта моя «деятельность» переросла рамки «хобби» и носит преступный характер. Дважды органы государственной власти предупреждали меня о недопустимости изготовления и распространения клеветнических сочинений, но я все дальше и дальше шел по этому преступному пути, пока не был привлечен к уголовной ответственности.

Теперь же, размышляя в спокойной обстановке, я пришел к полному осознанию вины и глубокому раскаянию в содеянном. Каковы же гарантии моего раскаяния? Чем я могу подтвердить, что оно глубоко и неформально? Я отдаю себе отчет в том, что сильно подорвал доверие к себе, однако надеюсь, что глубокий поворот, свершившийся в моей душе, трезвый взгляд на себя, на свои недостатки и пороки, будут расценены как обстоятельство, смягчающее сегодня мою вину перед советским народом. Именно поэтому я прежде всего заявляю следующее: я, как автор указанных выше сочинений, категорически запрещаю западным издательствам и печатным органам, в распоряжении которых находятся оригиналы или копии моих сочинений, их дальнейшую публикацию и распространение.

В заключение хочу сказать, что проявленное ко мне великодушие, которого я в сущности не заслужил, я использую для того, чтобы отдать свои силы, умение, возможности на создание полноценных, правдивых произведений о нашей социалистической действительности. Заверяю, что я оправдаю оказанное мне доверие.

Евгений Козловский.